

УДК 37.025

О ДУХОВНОМ ЗДОРОВЬЕ И ПЕДАГОГИКЕ

ГАГАЕВ Андрей Александрович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

ГАГАЕВ Павел Александрович,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Пензенский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается положение о рефлексии как основании духовного здоровья человека, выявляются пути поддержания духовного здоровья человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, личность, духовное здоровье, нравственность, мышление, рефлексия, ценность, педагогика.

GAGAЕV A.A.,

Dr. Philos. Sci., Professor, Head of the Department of Humanities, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

GAGAЕV P.A.,

Dr. Pedagog. Sci., Professor of the Department of Pedagogy, Penza State University

ON SPIRITUAL HEALTH AND PEDAGOGY

ABSTRACT. The article substantiates the position on reflection as a basis for spiritual health. Ways of maintaining spiritual health are identified.

KEY WORDS: human, personality, mental health, morality, thinking, reflection, value, pedagogy.

Благо и благо для человека его духовное здоровье. Оно полнит его жизнь, открывает его жизни. Отними духовное здоровье у человека – и нет его, нет его полного и людям милого. Что есть духовное здоровье? Чем оно поддерживается и что нужно предпринимать, дабы жил человек в (духовном) здравии и согласии с самим собою? Об этих важных для всякого неравнодушного к себе, образованного человека вопросах и поразмышляем в настоящей статье.

Духовное здоровье человека (как психо-физическая реальность) не может быть охарактеризовано без определения понятия самого человека (пусть и сугубо описательного). Что в человеке главное? Какова природа этого главного? Соотношение этого главного с общим состоянием духовного (психического) бытия человека? С ответами на эти вопросы мы связываем осмысление поставленной проблемы.

Человек

Человек вместе с другими формами жизни, и в особой степени в сравнении с ними, есть существо прежде всего *вселенское* и *метафизическое*. Человек есть и существо глубоко *нравственное*.

Человек удерживает в себе срединные движения мироздания. Он ищет осознания себя самого (ищет встречи с самим собой), он внутренне свободен (он сам по себе, над ним нет никого), он ищет развертывания своей духовной энергии (бездны возможностей таятся в нем), он есть существо становящееся (он истинен в своей потенции, а не в настоящем), ему понятны единство и распад (он сам есть всегда восхождение к себе, он – усилие по воссоединению себя, он – разрушающееся во времени), он ищет и

принимает *бремя ответственности за все и вся*. Человек и есть само мироздание, обретшее способность овладеть самим собою.

Человек, как и вселенная, не поддается внятной описанию (объяснению). Его нельзя предсказать (соответственно нельзя подвести его духовности к определенному итогу, «сухому остатку»). Его сущность нельзя удержать в осмыслении, нельзя заключить во что-то формальное. Человек стоит не в ряду некоего (его бессмысленно соотносить с иным), он *единичен* (не в гегелевском смысле, а в религиозно-логическом), он *духовен* (*он живое и становящееся*). В этом он, как и вселенная, существо метафизическое (надлогическое).

Человек странным образом изначально (по возникновении на планете Земля) ищет ответственности за все и вся. В переживании этой своей ответственности движется он к своему счастью и драме.

Духовное здоровье

Исторически человек обретал для себя такие особо значимые в личностном отношении реалии, как *духовное здоровье* и *духовная немощь*. Исторически ощущал он, что вся его жизнь – и как индивида, и как одного большого человека (народа, человечества) – есть усилие, порыв к некоему высокому и дерзновенному. Человек чувствовал, что естество его бытия – движение к высокому и обретение в этом движении внутреннего нравственного покоя – во многом обусловлено его духовным здоровьем, состоянием, позволяющим ему стать самим собой на планете, стать твердо и нерушимо.

Что есть духовное здоровье и духовная немощь? В веках – трудах и религиозных прозрениях – че-

ловек искал ответ на этот вопрос. Искал и находил. Приведем принимаемую нами версию такого ответа.

Духовное здоровье человека есть реалья, характеризующая его *нравственное самочувствие*.

Человек – существо, *ведующее* (знающее) о себе и всегда *осознающее* себя. Не осознающий себя самого человек с трудом подпадает под определение существа разумного. Ведание себя (знание себя), осознание себя непременно включает рефлекссию (содержащую и оценку) состояния своей психики. Человек и инстинктивно (его природа двойственна; человек – и дитя стихии, и он же – творение своего «Я»), и осознанно беспокоится, здоров ли он духовно. Каково состояние его психики? Как его можно расценивать: как здоровое или больное? С ответом на этот вопрос человек связывает гармонию (здоровье, благо) или дисгармонию своей жизни.

Каковы признаки духовного здоровья или нездоровья человека? На протяжении веков человек выстрадал эту реалью, она стала ему пронзительно знакомой.

Здоровое самочувствие (духовно здоровое бытие) открывает человека всему и вся (всем радостям и скорбям), рождает у него симпатию (комплиментарность) к иному для себя (другому живому), подвигает его принять участие в бытии мира (с миром человек живет), дает ему силу (физическую и духовную) и во всем этом полнит эмоционально и содержательно его жизнь. Живущий здорово, осознающий свою здравость радуется себе и миру и в этом единится с последним во всех его светлых и трагических свершениях. Человек с неповрежденной (здравой) душой (здравым самочувствием), по Иоанну Златоусту, обретает «жизнь совершенную» [10, с. 45].

Хорошо встретиться с духовно здоровым человеком: с ним общаешься к его светлой и полной жизни.

Болезненное состояние, болезненное самочувствие (духовное нездоровье) отвращает человека от жизни: полнит его душу «постоянным страхом» [10, с. 50], человек теряет способность дружить, не помнит приятни, никого не уважает, не любит, всех ненавидит и пр. [10, с. 32]. Жизнь его становится «мучительной» [10, с. 50]. Нездоровье, добавим, отчуждает человека от жизни.

Нерадостно с духовно немощным человеком, скорбно с ним. Уныние вызывает он у встретившихся с ним людей.

Какова природа, не внешнее выражение (те или иные признаки), а именно природа (онтология) здоровой и больной души? Мыслители древности, отвечая на этот вопрос, указывали на *единство и разделенность* внутреннего мира человека, на *осознание* им этого единства или разделенности.

Целостность духовного мира человека, рефлексия и бытие в этой целостности определялись мыслителями как состояние здоровья. Неслучайно, к примеру, и в русском языке значение слова «целый» в ряде контекстов синонимично слову «здоровый». Потеря целостности внутреннего бытия, наличие неразрешимых противоречий в нравственной сфере духовности индивида, осознание им своей раздвоенности – причина нездоровья и ослабления духовных и физических возможностей личности.

Целостность души человека в древности – и прежде всего в христианской святоотеческой традиции – трактовалась как единение всех сил души – умственных, волевых, эмоциональных, физических, религиозного чувства – вокруг той ценностно-

нравственной реалии, которая в состоянии дать *движение и простор последним* (силам души), *не уродуя ни одну из них в угоду другой*. Обрести такую реалью трудно, но она есть (как некий абсолют) и обретение ее возможно.

Иоанн Златоуст почитал Спасителя – Иисуса Христа, его образ, его учение и его земную жизнь – как то, что может стать основанием (нравственной константой) указанного единства внутреннего мира человека. Обретший в сердце своем Спасителя, – пишет Иоанн Златоуст, – становится «человеком по существу» [10, с. 13], тем, кому внятны дружба, приятнь, уважение к людям, любовь и прочее подлинно человеческое [10, с. 50], становится, добавим, духовно здоровым существом.

В XIX столетии идеи указанной целостности души и ее рефлексии развивал И.В. Киреевский. Он подчеркивал и обосновывал заявленное в христианской святоотеческой традиции положение об усилении, необходимом для воссоединения разрозненных движений души человеческой [4, с. 260].

Целостность (единство души) – реалья, *творящая* (осознанно) человеком, а не неизменно присутствующая в его психике.

Внутреннее единство души, в другой редакции, есть внутреннее *согласие* человека с самим собой как существом вселенским и *нравственно-метафизическим*, то согласие, которое поддерживается и самосознанием человека (его «Я»), и его внутренним нравственным чувством. Последнее неизменно присутствует в психике (духовности) человека. Присутствует как неизгладимая память о причастности человека к роду людей, тех, кому понятны *добро и зло, грех и раскаяние*.

Потеря внутреннего единства для человека есть причина его общего и духовного нездоровья. Потеря внутреннего единства души, в трактовке мыслителей древности и нашем прочтении, есть *преобладание* в нравственной сфере личности устремлений, нарушающих естество бытия человека. Речь идет о вышеназванных онтологических свойствах человека: его *вселенскости, метафизичности и глубокой нравственности*.

Человек в силу тех или иных причин (прежде всего его собственной духовной слабости) перестает слышать голос Вселенной (в прочтении верующих людей – Бога, богов). На языке науки (педагогике и психологии) это означает, что человеком овладевают меркантильные интересы: комфорт, нажива, власть, чревоугодие и пр. Индивид становится зависимым от этих убогих – рационально описываемых – интенций (становится рабом своих земных желаний, по Иоанну Златоусту) и превращается в существо объяснимое (рационально мыслящее) и примитивное.

Подчинение малой меркантильной или эгоистической цели всех сил души уродует последнюю. Сужается поле действия душевных сил, они резко специализируются, начинают выступать в несвойственном для себя виде. Иоанн Златоуст пишет о том, что душа, «сама в себе единая», в случае подавления одного желания (стремления к высокому) другим (стремлением к меркантильному) «разрывается» и делается «еще слабее» [10, с. 19].

Внутренне разделившаяся духовность (личность) как духовность вселенская непременно ощущает, а затем и *осознает* свое разделение. Человек глубоко переживает свою внутреннюю двойственность. Его нравственное чувство, в котором он не волен, под-

сказывает ему, что он *болен* и болен *серьезно*. Сознание однажды отчетливо указывает ему на его отклонение от естественного нравственного бытия. Сознание, ранее поддерживающее человеческое «Я», отныне приносит ему боль и страдание. Самочувствие человека, осознающего свою внутреннюю разделенность, становится последовательно ущербным. Покой, уверенность, радость, чувство правоты (оправдания своего бытия) – все это исторгается из души человеческой. Именно так у человека и возникает состояние духовной немощи.

Единение всех нравственных и других сил души вокруг естественного движения ее к горнему (используем стилистику святых отцов христианской церкви) и забвение личностью своего естества, последовательное осознание своего единства или разделенности – природа духовного здоровья и духовной немощи человека.

Нравственное чувство (врожденное)

К внутреннему единству человека подвигает присутствующее в его психике (как врожденное) нравственное чувство. Человек изначально (как только его психика становится зрелой) себя и мир поверяет глубоким нравственным переживанием. Ощущение правоты своего бытия либо его нравственной ущербности – реалья, присутствующая во всех движениях нашей психики независимо от волевого усилия. Ощущение это почти не рефлексировано. Рефлексия его становится отчетливой в случае возрастания эмоции неприятия самого себя с нравственной стороны.

Названное чувство возникает само по себе. Среда его вызывает, а не формирует. Человек (на планете) возник как «множество людей» («первым человеком является и может быть только множество людей») [11, с. 126]. Ценностью среди людей изначально становилось не «Я» в трактовке психологии XX века, но «я» как один большой соборный человек (множество людей, живущее единой жизнью). Следствием этого, полагаем, и стало формирование нашей психики (в данном случае – духовности) как нравственной реальности. Уйти человеку от себя как существа изначально нравственного невозможно.

Нравственное чувство подталкивает человека к рефлексии, осознанию себя как существа нравственного или безнравственного. Оно побуждает человека объять всего самого себя и снять свои нестроения. Оно надежнее, чем сама рефлексия, не дает человеку (его «Я») окончательно разделиться внутри себя и «перебраться» в свои отдельные переживания и страсти.

Нравственным чувством объясняются нехарактерные для людей определенной традиции и определенного личностного облика поступки. Человек резко меняет отношение к пленным, врагам, людям другой веры и пр. Человек резко меняет отношение к себе как индивидуальности и т.д. Все это свершается ради обретения человеком согласия с самим собой, ради обретения внутреннего единства.

Нравственное чувство живет в нашей душе и владеет ею.

Правильное мышление и духовное здоровье

Духовное здоровье в истории рода людей последовательно связывалось с его мышлением. Религиозные практики индуизма, буддизма, христианства и ислама вводили человека в реалью *правильного*

мышления. Правильно мыслящий человек внутренне не разделяется, осознает себя как целостную духовность и потому духовно и физически здоров. Это суждение принималось людьми в древности как данность, как то, что есть истина.

Правильное мышление, согласно названным духовным практикам, есть мышление, движущееся строго в соотношении с главными ценностями человека. Главные ценности в свою очередь суть те *нравственные* императивы, которые онтологически присутствуют в бытии человека и ни при каких обстоятельствах не могут быть отторгнуты человеческой духовностью (в этом смысле правильное мышление есть *нравственное* мышление).

Непричинение вреда живому (для индуса, буддиста), приятие Благодати (Спасителя) и неуклонное следование ее максима (для христианина), смирение пред Законом и возвестившим его людям пророком (для мусульманина) – вот то, что воссобирает мышление человека, высвобождает его от всего вредного, делает его просветленным, правильным и в этом способствующим обретению личностью внутреннего единства (духовного здоровья).

Предмет правильного мышления – *высокое* и *роднящее* человека *со всем и вся*. Мысль убога (разделена в себе), если она не о Боге, не о живом, не о нравственных наставлениях пророка и пр. Мысль больна, если она безблагодатна, если она нацелена на причинение вреда живому, на преступание непроступаемого, на достижение отвратной выгоды для ее субъекта и пр. Такая мысль причиняет боль и ущерб духовности ее носителя. Эта максима звучит в названных религиозных учениях.

Мысль, направленная на развертывание Благодати, на поддержание непричинения вреда живому, на утверждение положений Закона, на единение ее субъекта со всем живым, легко обретает бытие и воссоединяет разделенную страстями душу человеческую.

Правильное мышление – следующее важное положение религиозных практик – есть мышление, в основании которого лежит *сосредоточение* человека на самом себе, *удержание* им себя в своей мысли, *встреча* с самим собою и *познание* себя на этой основе как вселенской духовности (речь идет о мышлении как рефлексии; П.Т. де Шарден рефлексию понимал как существенное в эволюции рода человеческого) [11, с. 110].

Сосредоточение на себе самом предполагает последовательное всматривание человека в происходящее в его психике (психике как посреднике между личностью и миром). Сосредоточение погружает человека в мир его ощущений, рефлексий и интенций. В сосредоточении человек высвобождается от периферийных (сугубо внешних) для него ощущений, чувств, мыслей и концентрируется на глубинных – вселенских – для себя смыслах (с этого, к примеру, начинается паломничество, хадж в названных религиозных традициях).

Удержание себя предполагает фиксирование в себе самом (своем «Я») тех семантик (смыслов) и интенций (интеллектуально-ценностных порывов), которые и определяют наше *бытие* (как *вселенское*). В *Бхагавадгите*, срединной в идеологическом отношении части индийского эпоса *Махабхарата*, (бог) Кришна наставляет Арджуну (одного из братьев-пандавов) услышать в себе прежде всего смыслы, определяющие поведение кшатрия (воина), и, обретя на этой основе внутреннее един-

ство (сняв свои беспокойства, волнения и пр.), следовать обращенному к себе [7].

Встреча с самим собою предполагает рефлексию своего «Я» как развернутой – распределенной – реалии. Встреча с собою предусматривает глубокую *оценку* себя (через сопоставление своего стихийного «Я» и «Я» распределенного).

Встреча с собою служит предтечей познания себя. Личность, всматриваясь в себя, встречаясь с собой, в этом и познает себя. Собственное «Я» открывается личности. Открывается как некое неизменное, внутренне обоснованное и принятое сознательно движение (интенция) к некоему (в другой редакции – неприятие некоего). Личность в этом случае *возвращается* к себе как вселенской. Блаженный Августин именно в такой стилистике пишет об этом: «Чтобы познать себя, нужна большая привычка отвлекаться от чувств, сосредотачивать душу и удерживать ее саму в себе. <...> Возвращенная таким образом самой себе душа постигает, в чем состоит красота вселенной» [1, с. 143].

Положения о правильном мышлении человека (как о реалии, положительно влияющей на физическое и духовное здоровье человека и человечества) развивали и развивают в том или ином виде философы античности, средневековья, Нового Времени, антропологи и социологи наших дней. Платон писал о том, что душа человека неизменно стремится высь (предел познания души – идея блага) [5, с. 414]; С.Н. Трубецкой утверждал наличие у человека вселенского соборного сознания [5, с. 466]; В.И. Вернадский в годы Второй мировой войны грезил о планетарном мышлении человечества [6, с. 509]; П.Т. де Шарден в XX веке мысль человека характеризовал как изначально нравственную реакцию [11] и т.д.

Правильное мышление – и это особо важно – опирается на присутствующее всякому человеку *глубокое нравственное чувство*. Это чувство для человека врожденно (само возникновение рода людей и самой мысли связано с ним). С ним он рождается, с ним идет по жизни и с ним умирает. Оно ведет его к правильному мышлению, оно его подвигает всматриваться в себя и удерживать в себе роднящее его со всем и вся.

Правильное мышление врачует душу человеческую, дает ей другую – духовно здоровую жизнь.

Правое деяние и духовное здоровье

Духовное здоровье как состояние воссоединения личности с самой собой есть реалья, творимая человеком. Творится эта реалья через свершение *подвига*, или *правого деяния*. Этот завет отчетливо прочитывается в святоотеческом наследии христианской церкви, прочитывается он и в трудах зарубежных и отечественных философов XVIII–XX веков (И. Кант, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, М. Хайдеггер, П.Т. де Шарден, В.А. Сухомлинский и др.). Человек со стороны сбережения своей подлинной духовности нуждается в личном свершении чего-то такого, что строго соотносится с его *духовной природой*.

Что есть правое деяние? Со стороны его предмета? Со стороны ценностной? Со стороны психологической? Со стороны его воздействия на духовное самочувствие человека? Ответим на эти вопросы.

Душа наша охвачена *вселенским беспокойством*: ей жаждется обрести себя саму и в этом встать вровень со Вселенной. Обрести себя означает прежде

всего преобразовать себя в нравственном отношении – взять *бремя ответственности за все и вся*. Душа наша ищет названное все и вся и стремится его объять. Предмет ее внимания (предмет правого деяния) и есть *все и вся*.

Все и вся есть жаждущий воссоединения и не собранный еще надлежащим образом мир, окружающий человека. Предмет внимания человека есть он сам в его творческо-нравственном отношении к жаждущему воссоединения миру.

Служение людям (благотворительность, уход за больными, участие в некоем общем общественно значимом деле и пр.), народу своему (воинская служба, другая повинность, полет в космос и пр.), искупление чего-то отвратного, ответственность за всех (за то, что ты лично не совершал) – таково возможное содержание правого деяния. Все названные формы деятельности человека вводят его во вселенское бытие: мир чрез них преобразуется. Преобразуется в них и сам человек.

С *ценностной* стороны правое деяние есть утверждение человеком абсолютных ценностей в его бытии и бытии мира (в стилистике Канта, к примеру, правое деяние есть реализация нравственного императива человека). Обыденная жизнь человека соткана из малых и малых действий, цель которых – следование биологическому и социальному естеству жизни его. Пища, одежда, жилье, передвижение, семья, служба и пр. – круг обыденных забот человека. Правое деяние – реалья, выводящая личность из мира обыденного в ценностном отношении. Правое деяние выражает *жертвенную* природу духовности человека (мировые религии рассматривают жертвенность как онтологическую характеристику человека).

Человек склонен свершать то, что может принести ему вред: физический, материальный и пр. Свершать во имя неких *абсолютных* для него ценностей. Жертвуя многим (всем), человек движется к себе истинному.

Жертвенное служение Спасителю первых христиан в Римской империи, жертвенная жизнь и смерть в XV веке француженки Жанны д'Арк, жертвенное служение советских людей разделенному человечеству в XX столетии, жертвенный поступок в годы Второй мировой войны педагога Януша Корчака – в этих реалиях отчетливо явлен ценностный статус правого деяния.

Со стороны *психологической*, правое деяние есть преобразование души в нравственно-духовном отношении.

Наша душа есть вечное *искание* себя [8]. Душа живет *образом* себя самой. Ее подлинное не в том, чем она является в настоящем, а в том, чем она жаждет и стремится быть (что явлено ей в ее видении себя).

Душа ощущает, что ей нужно *двигаться* к некоему (жить полной жизнью). Настоящее ее – в земном и обыденном. Земное и обыденное объемлет человека, но не дает ему покоя и удовлетворения. Неудовлетворенность своим нравственным статусом – онтологическая характеристика человека. Человеку нужно превзойти самого себя. Превзойти в способности к доброму, жертвенному, честному, ответственному – всему тому, что все и вся собирает в светлую живую целостность. Жажда превзойти себя и подвигает человека *к правому деянию (к движению, подлинной жизни)*.

Правое деяние как некая большая, сверхценностная реалья выводит наше «Я» из состояния мертвенности (духовной недвижимости) и ввергает его в желанное для него (другое со стороны психологической) нравственное – становящееся – бытие и единит его с его же образом себя.

Душа, творя правое, живет (перетекает из одного состояния в другое), купается в горнем, врачует его его живительными силами.

Правое деяние, творимое человеком, в качестве такового (правого) непременно рефлексивируется. Без этого оно и не может быть правым (нравственное изначально связано с *ведением себя*).

Рефлексия правого деяния придает новые силы нашей душе. Душа убеждается в своей причастности к горнему. Убеждается в своей *верности* самой себе (своему внутреннему единству), в своей внутренней силе. Рефлексия правости (целостности себя) охватывает все наше существо. В этом случае нечто происходит с общим состоянием нашего организма: все его составляющие начинают лучше взаимодействовать друг с другом. Мысль (мысль, внутренне принимающая себя саму) как нечто материальное (физически действующее) проникает в каждую из сфер организма человека и придает им новую динамику (ср.: учение индусов о воздействии мысли на организм). Организм, подчиняясь общему – мысленному – воздействию, крепнет и крепнет.

Воздействие правого деяния связано с тем, что оно требует *напряжения* всех сил организма человека. Человек в правом деянии физически и духовно *просыпается*. Физически и духовно он узнает себя. Впервые все в нем – и прежде всего его «Я» – выступает в своем лучшем проявлении. Проявившееся в трудном более не исчезнет. Отныне оно будет присутствовать в нашей душе (нашем бытии). Организму (и душе нашей) *нужно* пробуждение сил.

Правое деяние дает человеку *полную* жизнь.

Правое деяние ставит нашу духовность вровень с самой собою и в этом открывает перед ней новые и новые (нравственные) задачи.

В годы Великой Отечественной войны советские люди – русские, белорусы, украинцы, татары, грузины, казахи и др. – *осознали* себя людьми, защищающими свое достоинство и достоинство всего человечества, осознали и обрели еще большую духовную и физическую мощь. Война своей тяжестью вызвала к жизни их внутреннюю силу, и они стали еще сильнее (духовно и физически более крепкими, внутренне едиными).

Педагогика

Как (на целерациональной основе) беречь и приумножать духовное здоровье? Природа последнего фактически дала ответ на этот вопрос. Следует, во-первых, поддерживать человека в его правильном мышлении, во-вторых, развивать у него способность к рефлексии (себя как существа вселенского) и, в-третьих, не мешать человеку свершать правое деяние.

Поддерживать у человека правильное мышление со стороны педагогической означает *не мешать* ему в процессах познания и преобразования себя и мира (того, что становится его реальным или мысленным бытием) следовать ценностным императивам, присутствующим в его психике *изначально*. Человек живет не вообще семантиками (смыслами, «сгустками» значений), а семантиками глубоко ценностными (суждение Шардена о том, что мысль – рефлексия – изначально была нравственной; рефлексия

возникает между людьми, она изначально социализирует человека) [11, с. 126]. Такие семантики мы называем *вселенскими*. Они изначально присутствуют в психике человека. Они не выводятся в нее средой. Средой они могут быть вызваны к жизни (актуализированы). Средой они могут быть направлены к своему полному явлению, развертыванию. К числу таких семантик относим *единство всего и вся, единство всего и вся как живого, равновеликости нашего «Я» и мироздания, смирения нашего «Я» перед мирозданием как целым, удержания в нашем «Я» всего и вся, открытости нашего «Я» всему, ответственности нашего «Я» за все и вся, понимание жизни как подвига* и некоторые другие [2, с. 43–50].

Названные реалии присутствуют в нашей психике изначально как *самодействующие* образования. Каждая из этих семантик есть и часть нашей психики (ее строевая единица), и сама психика. Наша психика онтологически «зерниста» (воспользуемся термином П.Т. де Шардена; он это слово-образ использует для характеристики ветвей жизни, стремящейся к мысли) [11, с. 116]. «Зернистость» психики, в нашем прочтении, выражение ее особой множественности, множественности по основанию присутствия в ней смысло-субъектных образований (тех или иных глубоких семантик). Психика (человека) являет себя как ансамбль свободных друг от друга в известном отношении движений (интенций). Ансамбль этих свободных интенций и есть *человек полный* (укажем, к примеру, на близкое приведенному понимание психики современной психологией «как организованного сообщества взаимосвязанных и в то же время самостоятельных индивидов») [9, с. 167].

Неповрежденная (неумелым или отвратным воздействием извне) психика движется в направлении актуализации в себе названных вселенских семантик. Актуализируясь в пространстве нашей психики, названные семантики и определяют наше мышление и поведение как *правильное* в охарактеризованном смысле.

Школа в лице педагога обязана знать природу нашей психики (наличие в ней вселенских семантик) и поддерживать средствами дидактики и воспитания ее естественное бытие. Совокупность средств и действий, применяемых педагогом в решении обозначенной задачи, определяется нами как *семантический подход* в воспитании человека [2, с. 43–50].

Встреча с самим собою – рефлексия – со стороны педагогической поддерживается прежде всего общим ценностно-смысловым контекстом бытия человека в той или иной педагогически организованной среде. Главное в этой среде – внимание к проблеме *овладения человеком самим собою*. Ценность человеческого социума – человек, овладевший самим собою и распоряжающийся собой *как высшим творением природы или Бога*.

Склонность к рефлексии (как нравственной реальности), как это отмечалось ранее, онтологическая характеристика человека. Явление ее в человеке следует не формировать, а открывать, потому так важно средовое – *катализаторное* – воздействие на личность человека в указанном отношении.

Поддержать человека следует и в вопросе осознания им ступеней его же рефлексии: *сосредоточении, удержании себя, встрече с собой, познании себя, возвращении к себе*.

К правому деянию человека надо *готовить* с детства. Человек с молоком матери должен воспринимать и принимать жизнь как *подвиг*. Приходит к пониманию жизни как подвига человек легко и быстро. Переживание и понимание жизни как подвига для человека, как и восприятие пространства и времени, онтологично (поддержано врожденным строением его психики). Уже в юности человек ощущает свою духовную раздвоенность (движение и к доброму, и к злему) [3]. Драма своей души открывается перед человеком. Он понимает, что доброе в его душе ему легко дано не будет. И вот тут человеку и надо явить единственно возможный для него путь преодоления его духовной раздвоенности – *правое деяние*. Как это сделать? Для этого необходимы две реалии.

Первая. Рядом с юным человеком должна быть личность, живущая по *«Российское образование сегодня»* (пр.). В нем, и только в нем, может увидеть себя истинной юная духовность. Эта личность и станет

ориентиром восхождения человека к себе самому через подвиг. Полагаем, пример А.С. Макаренки для его воспитанников – бывших беспризорников – был именно примером человека, живущего подвигом.

Вторая. К человеку нужно обратиться как к *лицу* (В.В. Розанов). Подвиг (правое деяние) у всех в жизни свой (ср.: учение о личной карме в индийской философии) [7]. Человек живет не общим, не идеей (хотя она и может его забрать без остатка). Человек живет собой. И вот в себе он и может только найти свой путь возвращения к себе. Этот путь будет неизмеримо трудным, но он будет непременно *своим*. К нему и ведет педагог своего воспитанника.

Педагогика сбережения себя как духовности, здоровой и деятельной, *сложна и трудна*. Но нет в ней чего-то неодолимого для человека, тягущего в себе образ и подобие своего Создателя (или образ и подобие создавшей его матери-природы)...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Блаженный Августин. Об истинной религии. Теологический трактат / Августин Блаженный. – Минск : Харвест, 1999. – 1598 с.
2. Гагаев А.А. Педагогика невмешательства / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – СПб. : Алетейя, 2014. – 284 с.
3. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания. В свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – М. : Издательство Свято-Владимирского Братства, 1993. – 223 с.
4. Киреевский И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский. – М. : Современник, 1984. – 582 с.
5. Мир философии : в 2 ч. – М. : Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 672 с.
6. Мир философии : в 2 ч. – М. : Политиздат, 1991. – Ч. 2. – 624 с.
7. Мифы древней Индии. Бхагавадгита. – СПб. : Кристалл, 2000. – 511 с.
8. Розанов В.В. О понимании / В.В. Розанов. – М. : Танаис, 1995. – 804 с.
9. Современная психология : Справочное руководство. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 688 с.
10. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – Т. 1. – 480 с.
11. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П.Т. де Шарден. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 232 с.